

Прошло несколько минут, и снаружи все затихло. Сюй Цыань немного подумал, вернулся в дом за тряпкой, намочил ее в воде и снова вышел на крыльцо. Он принялся тщательно оттирать дверное кольцо, которого только что касался незванный гость.

Не прошло и пары мгновений, как он почувствовал неладное. Повернув голову, Сюй Цыань столкнулся взглядом с мальчишкой, который растянулся прямо на земле и тяжело дышал.

—...

Мальчик был с ног до головы покрыт пылью. Его влажные от пота темные глаза блестели, а круглые щеки покраснелись. Заметив внимание к себе, он молча вытер ладошки о подол одежды.

Сюй Цыань нахмурился и невольно сделал несколько шагов вперед.

— Руку покажи.

Мальчишка замялся:

— Она грязная.

Сюй Цыань хмыкнул:

— Действительно грязная.

Он и вправду брезговал чужой грязью, а потому быстро сложил пальцы в заклинание. В то же мгновение пыль и следы крови на детской руке бесследно исчезли.

Мальчик просиял и мгновенно сел прямо:

— Гэгэ, а что это за магия?

— Техника очищения тела.

— А я могу научиться?

— Ей может овладеть любой, — Сюй Цыань перевернул его ладонь тыльной стороной вверх. — Только не проси меня учить тебя.

Присмотревшись, он действительно обнаружил на руке отчетливый иссиня-черный след от

собачьих клыков.

И правда собака укусила? Сюй Цыань огляделся по сторонам и лишь тогда заметил неподалеку огромного желтого пса, который без сил растянулся на земле.

Левую половину его головы словно срезало чем-то невероятно острым: глаз, ухо и пасть уцелели лишь наполовину. Огромная рваная рана покрылась коркой запекшейся темно-красной крови. Перед ними лежал труп. И все же он шевелился.

Сюй Цыань впервые видел дух животного, да еще и погибшего столь страшной смертью. Что и говорить, зрелище вызывало легкую оторопь.

В этот момент его кто-то бесцеремонно ткнул в спину.

— Гэгэ, — прошептал мальчик. — Тебе страшно?

Рука Сюй Цыаня, сжимавшая рукоять меча, едва заметно дрогнула. Однако голос его остался безупречно ровным, да и лицо не выдало ни единой эмоции:

— Вовсе нет.

Мальчик с надеждой уставился на него:

— Тогда не мог бы ты подойти и посмотреть, есть ли у этого Дахуана на хвосте родимое пятнышко в форме цветка сливы?

—... — Сюй Цыань сохранял каменное выражение лица. — С какой стати мне тебе помогать?

Его легонько потербели за рукав.

— Ну пожалуйста, гэгэ, помоги! Одна старая бабушка потеряла своего пса. Если мы не найдем его до темноты, ей будет так одиноко.

Сюй Цыань глубоко вздохнул:

— Отпусти рукав.

Мальчик дернул снова.

Сюй Цыань резко развернулся, ухватил его за шкурку и потащил за собой:

— Раз так, пойдём смотреть вместе.

— Но мне страшно, жуть как страшно! — мальчик попытался вырваться, но было поздно. Он уныло забормотал: — И почему-то этот пес все время норовит меня укусить...

— Ррр... Гав!

В этот момент Дахуан яростно оскалился, повернув к ним изуродованную половину головы.

— Ой-ой! — мальчишка мгновенно юркнул за спину Сюй Цыаня и запричитал: — Гэгэ, смотри!

Сюй Цыань промолчал. Смотреть на это у него не было ни малейшего желания.

— Гав!

— Замолчи, — бросил Сюй Цыань.

— Гав-гав!

— Делаю скидку на то, что ты не понимаешь человеческого языка. Даю тебе последний шанс.

— Гав-гав-гав!

—...

С резким свистом Сюй Цыань обнажил меч.

В следующее мгновение раздались пять глухих ударов.

С жалобным скулением Дахуан оказался пригвожден к стене пятью потоками острой духовной энергии. Впрочем, клинки энергии вошли вплотную к его шерсти, не причинив призрачному псу никакого вреда. Мальчишка так и застыл с открытым ртом.

Сюй Цыань надменно хмыкнул и подтащил мальчишку ближе, чтобы проверить хвост. Бросив быстрый взгляд, он указал на темное округлое пятнышко:

— Это оно?

— Нет, — помотал головой мальчик. — Это я случайно выдрал у него клочок шерсти, когда лапал

за хвост... Ой, вот оно! Пятнышко в виде сливы, нашел!

При этих словах в его кулаке волшебным образом оказалась еще одна горсть желтой шерсти.

— Гав!!!

Не выдержав столь бесцеремонного обращения, пес яростно зарычал, вырвался из оков духовной силы и бросился на обидчика.

Мальчишка весело прыснул и припустил во все лопатки:

— Добрый гэгэ, я побежал! Завтра приду поблагодарить тебя как следует! Поторопись, Дахуан, скоро стемнеет, я отведу тебя к хозяйке! Ай-ай-ай, только не кусайся!

Сюй Цыань лишь молча проводил его взглядом.

Сумерки сгущались, фигурки мальчишки и собаки постепенно растворялись вдаль, а голоса затихали. В этих новых усадьбах жили в основном приезжие, которые на время праздников разъехались по родным краям к семьям. Стоило незваному гостю уйти, как вокруг воцарилась глубокая тишина.

Сюй Цыань постоял еще немного, убрал меч в ножны и вернулся в дом, решив до наступления темноты еще немного почитать.

Наступили сумерки. Солнце медленно опускалось за горизонт, окрашивая небо в багровые тона.

Мальчик прибежал на пустынную, заброшенную пустошь.

— Бабушка! — закричал он, еще не успев перевести дыхание. В его голосе звучала неподдельная тревога. — Бабушка, вы еще здесь?

Дахуан, словно почуяв что-то, перестал преследовать мальчишку. Он поднял голову, подогнул задние лапы и тихо уселся перед одиноким надгробием.

Вскоре из воздуха соткалась старая, покрытая глубокими морщинами рука и ласково коснулась его головы. Заметив это, мальчик с облегчением выдохнул и без сил опустился прямо на землю.

— Дахуан, это ты?.. — тихо раздался хриплый, надтреснутый голос. Из-за каменной плиты медленно показался призрак седовласой старушки.

— Гав, — пес ласково ткнулся носом в ее ладонь.

— Что же с тобой... приключилось?..

Старушка дрожащими пальцами бережно коснулась его изувеченной головы. Ее тусклые глаза наполнились слезами.

— Какими же злодеями нужно быть, чтобы так поиздеваться... Бедный мой, как же тебе было больно...

— Глупый Дахуан, какой же ты глупый... Раз уж я, старая, испустила дух, тебе надо было бежать без оглядки...

Пес преданно лизал ее ладони, глядя на хозяйку единственным уцелевшим глазом, полным бесконечной любви.

Старушка тяжело вздохнула:

— Ну что ж, пойдём... Нам пора встретиться с ним.

Время словно замедлило свой ход. Мальчик молча наблюдал, как они прижимаются друг к другу, тихо переговариваясь. Их очертания постепенно истончались, тая в воздухе, пока окончательно не растворились в последних лучах заходящего солнца, угасающего подобно расплавленному золоту.

Холодный лунный свет озарил заброшенную могилу.

На простом камне было высечено: «Безымянная госпожа Е».

Мальчик потер кулачками глаза.

— Бабушка Ецзы, я пойду, — он низко поклонился могильной плите. — Будет время, обязательно навещу вас снова.

В ответ ему была лишь тишина.

В отдалении тихо зашуршали ветви дикого кустарника.

Сюй Цыань отвел взгляд и бесшумно скрылся в ночи. По крайней мере, этот час прошел не зря: он собственными глазами увидел, как упокаиваются заблудшие души. Что ж, это было куда занимательнее, чем корпеть над книгами.

— Гэгэ, ты дома?

На следующее утро мальчик сдержал обещание. Постучав в дверь, он стоял на пороге, бережно держа в руках несколько свертков с лакомствами.

Сюй Цыань как раз упражнялся с мечом. Тяжело дыша, он по привычке потянулся к маске, лежавшей на каменном столе, но, поразмыслив секунду, решил, что скрывать лицо нет нужды. Он лишь сотворил быстрое заклинание очищения тела, чтобы привести в порядок промокшую от пота одежду, и пошел отпираться.

— Как хорошо, что ты...

Оба замерли, уставившись друг на друга. Вчера мальчишка был измазан грязью с ног до головы, а Сюй Цыань не снимал маски, так что они впервые по-настоящему разглядели лица друг друга.

Мысленно сравнив себя с гостем, Сюй Цыань пришел к выводу, что все же превосходит его статью и изяществом. Чуть вздернув подбородок, он постучал костяшками пальцев по косяку, привлекая внимание к бумажной ленте:

— Разве ты не видишь надпись: «По пустякам не беспокоить»?

— Бумажку-то я видел, — смущенно протянул мальчик. — Да только читать не умею.

«Даже грамоты не знает. Значит, я превосхожу его как минимум дважды», — удовлетворенно подумал Сюй Цыань.

— Ладно, проехали. Зачем пришел?

— Гэгэ, я принес тебе угощение! Это в благодарность за вчерашнее. Тут и соленое, и сладкое — выбирай, что любишь.

Сюй Цыань небрежно окинул взглядом свертки.

— Сладкое оставляй, а соленое забирай и проваливай вместе с ним.

— Оу, — послушно отозвался мальчик. С легким сожалением он выложил на стол османтусовые пирожные, слоеные пастилки, сахарную паутину и медовые цукаты. — Гэгэ, а можно мне съесть кусочек, прежде чем уйти?

— А почему ты не мог перекусить по дороге?

— Хе-хе, а как ты догадался, что я уже лакомился по пути?

Сюй Цыань фыркнул и прислонился к дверному косяку, скрестив руки на груди. Облегающий белый тренировочный костюм выгодно подчеркивал его статную, благородную осанку. Глядя на простодушную ухмылку мальчишки, он внезапно ощутил укол мальчишеского озорства. Шагнув в сторону, он освободил проход:

— Заходи.

— Спасибо, гэгэ!

Мальчик радостно устремился вперед, прижимая к груди сладости, но с глухим стуком врезался лбом в невидимую преграду. Его симпатичная мордашка смешно сплюснулась от удара. Он застыл на месте, растерянно моргая.

— Ах да, совсем забыл. Вокруг дома натянут защитный барьер, посторонним ходу нет, — лениво протянул Сюй Цыань. На его губах заиграла легкая усмешка, когда он протянул руку: — Давай ладонь, я проведу тебя... погоди, ты чего?.. Эй?

Кончик носа у мальчишки покраснел, а в глазах заблестели слезы — он явно собирался разреветься.

Сюй Цыань растерялся:

— Из-за такого пустяка реветь? Я же не нарочно.

— Нарочно! — упрямо всхлипнул тот.

— Мои османтусовые пирожные... слоеные лепешки... — он с величайшей скорбью развернул бумажный пакет. Его голос дрожал точно так же, как раскрошившиеся сладости: — Все в крошку превратилось, у-у-у...

— Лепешки твои, согласен, — озадачился Сюй Цыань. — Но пирожные-то ты уже подарил мне, разве нет?

— Разломанные дарить нельзя.

—... Если я извинюсь перед тобой, ты перестанешь сырость разводить?

Мальчик ненадолго задумался и шмыгнул носом, кивая.

— Ясно, — протянул Сюй Цыань. — Тогда тем более извиняться не стану.

С этими словами он бесцеремонно схватил плаксу за шиворот и втащил во двор.

«Если проблему можно уладить простым извинением, значит, это сущая ерунда. А раз это ерунда, с какой стати ему, молодому господину великого клана Сюй, унижаться какими-то сожалениями? Всегда можно найти другой выход».

— Разве крошки есть нельзя?

Сюй Цыань забрал у него пакет, выудил оттуда крупный обломок пирожного и, не моргнув глазом, отправил в рот. Распробовав вкус, он одобрительно кивнул:

— Сладости в меру, очень нежные. Где покупал?

Ответа не последовало.

— Ну хорошо, в следующий раз я сам куплю тебе такие же, идет? — вздохнул он.

— Не купишь, — буркнул мальчик, опустив голову. — Их мама сама приготовила.

Сюй Цыань застыл на месте. Он почувствовал, как неловко вспыхнули его собственные щеки.

— Прости...

Прошло несколько мгновений, прежде чем мальчишка утер слезы и, забавно надув губы, снисходительно произнес:

— Хотя и не особо искренне, но я тебя прощаю. Гэгэ, я тоже хочу пирожное.

У Сюй Цыаня нервно дернулся уголок рта. Да уж, «простил» он его! Просто все сладости остались у обидчика!

После короткой потасовки они вроде бы заключили перемирие — хотя и дружбой это назвать было трудно. Мало того что рёва, так еще и обжора...

Сюй Цыань пришел к выводу, что на фоне этого недоразумения выглядит сущим совершенством. Конечно, глупо требовать от каждого ребенка быть столь же идеальным, но родители этого сорванца явно баловали его без всякой меры.

Если бы сам Сюй Цыань посмел расплакаться из-за подобной чепухи, отец непременно сурово отчитал бы его за слабость духа. Да и матушка никогда не пекла для него сладостей своими руками.

В его собственной семье все было иначе. Родители никогда не проявляли нежности открыто, из-за чего ему постоянно приходилось искать подтверждения их любви.

Медленно пережевывая ароматное, тающее во рту пирожное, Сюй Цыань невольно погрузился в раздумья.

Вдруг его рукав снова легонько натянули.

— Гэгэ, ты расстроился?

Глаза мальчика, еще влажные после недавних слез, казались кристально чистыми и невероятно яркими.

Сюй Цыань хотел было привычно отмахнуться, но, встретив этот искренний взгляд, внезапно передумал. В конце концов, сегодня он даже не стал надевать маску, так к чему теперь притворяться?

— Скажи... как ты думаешь, твои родители любят тебя? — спросил он, опустив ресницы и глядя на простую чашку с водой на столе.

— Они обожают меня! — без малейшего сомнения выпалил мальчишка.

— Почему ты так уверен?

— Потому что я сам обожаю их!

«Странный ответ», — подумал Сюй Цыань.

Любой обычный ребенок на его месте принялся бы уверять, что его любят за послушание, прилежание или за то, что он никогда не огорчает старших. А впрочем... кто знает?

Возможно, именно этот простой ответ и был самым правильным. Сюй Цыаня озадачила эта детская мудрость, но он отличался пытливым умом, а потому всегда стремился докопаться до сути.

Он вновь перевел взгляд на собеседника. Мальчишка показался ему весьма занятным объектом для наблюдений.

Подперев щеку ладонью, Сюй Цыань лениво прищурился:

— Эй, малявка. Хочешь со мной...

Последние слова сорвались с его губ едва различимым шепотом. Если тот не расслышал — тем лучше. Тема была пустяковой, и повторять дважды он не собирался.

Однако мальчик уловил каждое слово. Он просиял, подпер подбородок обеими ладошками и, весело сощурившись, звонко ответил:

— Хочу! Меня зовут Гун Чэнь. А тебя?

Сюй Цыань на мгновение опешил. Ему пришлось мысленно признать: в искусстве улыбаться он все же немного уступил этому сорванцу.

Сделав глоток воды, чтобы вернуть самообладание, он уже открыл было рот, чтобы представиться, когда Гун Чэнь радостно защебетал:

— Раз уж мы назвали друг другу свои имена, то ты, гэгэ, официально становишься моим сотым другом!

Которым по счету?..

Не десятым, а именно сотым?!

Сотым?!

Лицо Сюй Цыаня мгновенно потемнело от досады.